

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

21 Сентября

№ 27

1908 года.

— ○ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ○ —

„Жицшеанская мораль насилія и христіанское смиреніе въ ихъ отхоженіи къ достоинству человѣческой личности“.

*Окончаніе *).*

Не умъ, а сердце—источникъ нравственныхъ дѣйствій человѣка. И вотъ сердце, воспитанное на любви къ Богу и ближнему, облагороженное смиреніемъ и кротостью, и является тѣмъ средствомъ, благодаря которому возможно достиженіе мира на землѣ и въ людяхъ благоволенія. Въ самомъ дѣлѣ, отчего происходятъ несогласія, ссоры, вражда между людьми? Большею частью отъ гордости, оттого, что человѣкъ не желаетъ видѣть въ другомъ себѣ подобнаго брата. «Возносящій себя надъ всѣми, говоритъ еп. Теофанъ, поставляя себя въ

*) См. Епарх. Вѣд., № 26.

отношеніе къ другимъ, желаетъ, чтобы вездѣ и во всемъ исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановенію, онъ властолюбивъ и склоненъ къ насилію, поставляя другихъ въ отношеніе къ себѣ, не можетъ терпѣть ихъ вліянія, въ какомъ бы скромномъ видѣ оно ни являлось, онъ презрителенъ и непокоренъ, встрѣчая нарушеніе своей воли, выходитъ изъ себя, обиженный воспаляется мстью». ¹⁾ Нетерпѣливая ко всему тому, что такъ или иначе стоитъ на пути осуществленія ея цѣлей, незнающая пощады и мстящая всякому, кто рѣшился бы оскорбить ее, гордость разрушаетъ узы единенія, дѣлаетъ людей врагами. «Страсть тщеславія, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, наиболѣе возжигаетъ огонь, всюду простирая власть свою. Она ниспровергла цѣлыя церкви, она вредитъ дѣламъ гражданскимъ, разоряетъ города, народы и проч.» ²⁾ Не такъ проявляются смиреніе и кротость. Будучи спокойнымъ состояніемъ духа, смиреніе этимъ своимъ характеромъ окрашиваетъ всѣ чувства человѣка. Оно не даетъ возможности одному какому нибудь настроенію вполне овладѣть человѣкомъ, затемнить его разумъ и всецѣло отдаться аффекту. Этимъ не исключаются чистыя и возвышенныя чувства и эмоціи, какъ любовь къ Богу и ближнему, сорадованіе и состраданіе, радость при видѣ совершеннаго добраго дѣла, возмущеніе и отвращеніе отъ грѣха.

Все это не уничтожаетъ того духовнаго равновѣсія, которое составляетъ отличительную черту смиренія. Такія временныя вспышки свидѣтельствуютъ о полнотѣ духовной жизни, ея интенсивности и отзывчивости на все доброе, прекрасное, хорошее. Смиранный человѣкъ всегда подавляетъ строптивость, раздражительность; эти постоянные спутники гордости для смиренія не мыслимы. Смиранный и кроткій человѣкъ,

¹⁾ Письма о Христіанской жизни.

²⁾ Слово о тщеславіи.

сознающій свои недостатки, по собственному опыту знающій ихъ погубное вліяніе, будетъ снисходительнѣе и любвеобильнѣе къ людямъ. Для него они будутъ являться несчастными, дѣйствующими подъ вліяніемъ аффектовъ. Мало того, сознавая и себя самого не чуждымъ недостатковъ, онъ прежде всего постарается разрѣшить вопросъ, не послужилъ ли онъ самъ причиной, вызвавшей непріятность, и если отвѣтъ получится утвердительный, то всячески постарается загладить свою ошибку. Онъ не остановится и предъ тѣмъ, чтобы поступиться собственнымъ самолюбіемъ, которое, будучи развито до болѣзненнаго состоянія, препятствуетъ мирной совмѣстной жизни людей.

Всевозможныя бѣдствія и страданія—эти спутники чело­вѣка отъ рожденія до гробовой доски, доводящія многихъ до самоубійства, въ глазахъ смиреннаго являются необходимыми, а потому вполне естественными. Смиранный знаетъ, что для чистой природы чело­вѣка, той, какой она вышла изъ рукъ Творца, не омраченной грѣхомъ и его послѣдствіями, скорби, бѣдствія, болѣзни и всевозможнаго рода несчастія являются противоестественными, какъ совершенно не заслуженныя. Но когда вся жизнь отъ начала до конца—непрерывный актъ от­ступленія отъ нравственнаго закона, тогда все это не только умѣстно, но и необходимо. Для смиреннаго ясно, что справедливость требуетъ награждать добродѣтель и карать порокъ. Онъ сознаетъ, что люди, «засѣявъ сами всю землю терніями, не могутъ не уязвляться ими, что, призывая сами грѣхами своими бѣдствія, они не могутъ не подвергаться имъ, что привлекая сами безаконіями и неправдами своими проклятіе правды Божіей, не могутъ не чувствовать на себѣ его тяжести, что, сдѣлавъ сами себѣ крестъ изъ древа преслушанія, не могутъ не нести его». ¹⁾ Если же такъ, то и все то, что мыслится

¹⁾ Собр. проп. арх. Херс. Дмитрія т. I.

подъ именемъ «креста» христіанина, является не тяжелымъ, неудобноносимымъ бременемъ, но легкимъ и необходимымъ для роста его духовной жизни. Вотъ почему и Самъ Христось говоритъ кроткимъ и смиреннымъ, что для нихъ Его иго благо и бремя легко, и они то найдутъ покой душамъ своимъ.¹⁾ Это душевное равновѣсіе, этотъ внутренній миръ и покой настолько прочны, что ничто не въ состояніи нарушить его. Вотъ почему въ христіанствѣ смиреніе и кротость разсматриваются какъ одни изъ высшихъ добродѣтелей, при томъ такіа, которыя необходимо усвоить и приобрѣсть всякому истинному послѣдователю Христа. Они то и придають личности челоуѣка—христіанина истинную силу и могущество. Сильная личность та, которая въ основу своей дѣятельности полагаетъ не силу, какъ стремленіе къ достиженію чего нибудь, но силу, направленную на осуществленіе въ себѣ и другихъ нравственнаго добра или любви. Сильная личность та, которая руководится любовью съ ея неизмѣнными спутниками—кротостью и смиреніемъ. Сильная личность та, которая обладаетъ твердымъ духомъ, крѣпкою, непреклонною волею. Мощь личности заключается въ томъ, чтобы умѣть сдержать себя, не дать овладѣть собою аффектамъ и страстямъ. Такая личность должна отличаться необыкновеннымъ самообладаніемъ. Гдѣ же сила личности, когда она подобно «Златокудруму Германцу», даетъ просторъ грубымъ, чисто животнымъ инстинктамъ? А цезарь Борджіа, папа Александръ и К^о! Развѣ не говорятъ они о внутреннемъ безсиліи справиться со своими пороками и недостатками? Если съ этой стороны мы посмотримъ на кротость и смиреніе, то увидимъ, что такая сила присуща имъ. Смиреніе, какъ мы раньше говорили, способствуетъ искорененію пороковъ и недостатковъ личности и приближаетъ ее къ нравственному идеалу богоуподобленія. Благо-

¹⁾ Мѣ. 11, 30.

даря ему, человекъ изгоняетъ изъ своего сердца того звѣря, который такъ сильно властвуетъ надъ сверхчеловѣкомъ Ницше. Эта побѣда надъ своими страстями не поднимаетъ, не возвышаетъ и не ставитъ ли человекъ на пьедесталь сверхчеловѣчности? *Истинное* понятіе, которое мы соединяемъ со словомъ «смиреніе», требуетъ признать въ немъ присутствіе величайшей нравственной энергіи. Для того, чтобы сдѣлаться «рабомъ всякаго человекъ»¹⁾, «всѣмъ попраиёмъ»²⁾ «отребемъ міра»,³⁾ для этого нужна необыкновенная сила и присутствіе духа. Каждому по собственному опыту извѣстно, какой адъ, и какая буря поднимается въ душѣ человекъ, когда не заслуженно наносятъ ему обиды и огорченія. Понятно, какая требуется сила воли, чтобы утишить, подавить вполне естественный гнѣвъ, и погасить, вызываемое имъ, чувство мести. Развѣ не достоинъ имени сверхчеловѣка тотъ, кто прощаетъ своего врага и обращается съ нимъ какъ съ братомъ? Война съ непріателемъ требуетъ героическихъ подвиговъ, и мы прославляемъ побѣдителей, тѣмъ большей славы достойны тѣ, которые побѣдили самихъ себя, здѣсь необходимы тѣ же мужество и храбрость, которыя бываютъ при всякой побѣдѣ.

Что смиреніе на самомъ дѣлѣ способствуетъ возвышенію духа человекъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сама жизнь. Примѣры истиннаго, высокаго смиренія мы находимъ у тѣхъ, которые отличались огромною нравственною силой. Всѣ великіе люди говорили о своихъ слабостяхъ и недостаткахъ. Таковы: Сократъ, Ньютонъ, Кеплеръ, Галилей. Отцы церкви Григорій Богословъ, Іоаннъ Златаустъ и др. убѣгаютъ въ пустыни, лишь бы не занимать того высокаго мѣста, къ которому призывали. И это не малодушіе, не дряблость воли, но свидѣ-

1) 2 Кор. 4, 5.

2) 1 Кор. 4, 13.

3) *ibid.*

тельство высоты ихъ духа, яснаго сознанія тѣхъ совершенствъ, которыя необходимы для успѣшнаго прохожденія ихъ служенія. «Таково уже свойство людей, истинно способныхъ, и душъ возвышенныхъ. Чѣмъ больше ихъ способность, чѣмъ возвышеннѣе ихъ понятія и чувствованія, тѣмъ въ большемъ свѣтѣ, тѣмъ выше надъ собою представляютъ они то, что называютъ совершенствомъ; слѣдственно тѣмъ дальше отъ совершенства внутренно видятъ себя самихъ, тѣмъ менѣе на себя полагаются, тѣмъ болѣе смиряются, тѣмъ менѣе ищутъ видимаго возвышенія и даже иногда уклоняются отъ онаго и убѣгають. Всѣ они подобно Моисею восклицаютъ: «избери могуща иного» (Исх. 4 13). И этотъ искренній, смиренный вопль ихъ сердца служить признакомъ не нравственнаго безсилія, а высокаго подъема духа».¹⁾ А христіанскіе мученики и подвижники—эти идеалы кротости и смиренія, развѣ не показали въ своей жизни образцы сверхчеловѣческой силы, мужества и величія? Они изумительною твердостью воли вынесли всю борьбу христіанства съ язычествомъ и тѣмъ самымъ завоевали христіанству право на существованіе. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ измельчаніи человѣческой природы. Здѣсь одно только удивленіе энергіи, силъ духа, которыя даютъ право эти времена называть героическими, сверхчеловѣческими.

Измельчаніе личности возможно при бездѣтельности, при спокойномъ образѣ жизни, который расслабляетъ волю, лишаетъ ее энергіи, чего нельзя сказать про христіанина. Вся жизнь его состоитъ въ неустанной борьбѣ со зломъ, которая всѣ силы духа держитъ въ напряженіи, благодаря чему и воля всегда готова бороться съ тѣмъ, что носить на себѣ печать грѣха. Ничто такъ благотворно не дѣйствуетъ на людей, ничто такъ не умиротворяетъ ихъ, какъ любовное состраданіе. Нѣжное и любовное прикосновеніе къ душевнымъ ранамъ

¹⁾ Митр. Филаретъ «Слова и рѣчи» Москва 188 г. ч. 2 с. 223.

часто служить причиною того, что съ огрубѣвшаго сердца спадаютъ ледяныя оковы и оно дѣлается чувствительнымъ къ принятію всего добраго, святаго. Но для этого самому нужно проникнуться настроеніемъ того человѣка, на котораго воздѣйствуютъ. Нужно поставить себя на одну доску съ злодѣемъ, разбойникомъ, нужно войти въ ихъ психику, пережить и перечувствовать то, что чувствуютъ они, переболѣть вмѣстѣ съ ними за ихъ преступленія, признать ихъ не на словахъ, а на дѣлѣ своими братьями, только въ этомъ случаѣ возможно возродить преступника, сдѣлать его честнымъ и полезнымъ членомъ общества. Все это не возможно безъ смиренія, безъ того смиренія, которое считаетъ себя недостойнѣйшимъ изъ всѣхъ. И Ницше глубоко ошибается, когда совершенно обезцѣниваетъ состраданіе, за уродливыми формами и лицемѣрными проявленіями его, онъ не замѣтилъ величія и силы истиннаго, неискаженнаго его образа. Кроткій и смиренный человѣкъ вліяетъ болѣе на людей, чѣмъ тотъ, кто облеченъ властью и физической силой. «Кроткій и смиренный человѣкъ, говоритъ Драммондъ, стоитъ выше всѣхъ другихъ людей. Потому то и училъ Христосъ, что кроткіе наслѣдуютъ землю. Они не покупаютъ, не завоевываютъ ее, а именно наслѣдуютъ». ¹⁾)

Авторитетъ кроткаго человѣка великъ и подобно тому, какъ смиреніемъ онъ побѣдилъ свои недостатки, такъ кротостью онъ побѣждалъ ихъ въ другихъ. Обратимся за примѣромъ къ нашей отечественной литературѣ, которая служитъ зеркаломъ жизни. Остановимъ свое вниманіе на произведеніяхъ Э. М. Достоевскаго—этого знаменитаго психолога. Прель нами его романъ „Подростокъ“. Главный герой его личность въ высшей степени гордая, самолюбивая и самонадѣянная; вслѣдствіе этого въ своихъ отношеніяхъ къ отцу, матери, сестрѣ—онъ рѣзокъ, грубъ, непочтителенъ. Таковы же отецъ и сестра его Лиза.

¹⁾ Мальцезъ, «Психологія нравственнаго вліянія одной личности на другую»

Можно представить, какова была жизнь этого семейства? Кроме самаго грубаго эгоизма не возможно было ничего иного ожидать. И вотъ въ среду этихъ жестокосердныхъ людей писатель вводитъ нѣкоего Макара Ивановича. Это существо тихое, въ высшей степени незлобивое, кроткое и смиренное, Не легко было жить такому человѣку въ семьѣ подростка: насмѣшки и издѣвательства постоянно сыпались на его голову. Все это Макарь Ивановичъ терпѣливо переносилъ. И вотъ этотъ кроткій, повидимому, совершенно забытый человѣкъ, сдѣлалъ то, что заставилъ всѣхъ членовъ семейства призадуматься надъ своею жизнью, почувствовать фальшь и ненормальность ея, а одного изъ нихъ нравственно возродить, сдѣлать его такимъ, какимъ онъ былъ самъ. Однажды всѣ собрались въ комнату, гдѣ сидѣлъ больной Макарь Ивановичъ. Всѣ сидѣли и спокойно бесѣдовали до того времени, пока лучъ солнца черезъ верхъ окна, которое было закрыто завѣсой, не упалъ прямо на лицо больного. Для того, чтобы перемѣнить положеніе Макара Ивановича, и въ тоже время не мѣшать разговору, мать подростка пыталась отодвинуть въ сторону скамейку, на которой онъ сидѣлъ. Желаніе ея не исполнилось, такъ какъ, не смотря на всѣ усилія, она не могла сдвинуть ее съ мѣста. Это обозлило Лизу, сестру подростка. Съ гнѣвомъ она обращается къ Макару Ивановичу и говоритъ: «да постыдитесь хоть немножко: видите какъ трудится мать». Макарь Ивановичъ попробовалъ было подняться, но ноги ему не повиновались. Съ кроткой покорностью онъ отвѣчаетъ Лизѣ: «не могу голубчикъ!» Такой отвѣтъ еще болѣе раздражаетъ Лизу, и она, упрекая его, обращается съ такими словами: «рассказывать по цѣлой книгѣ можете, а пошевелиться не въ силахъ. Возьмите костыль, съ костылемъ поднимитесь!» Старикъ взялъ костыль, радостно посмотрѣлъ кругомъ и сказалъ: «вотъ и спасибо, милая, научила уму, а я

то думалъ, что совсѣмъ уже не служатъ ноженьки». Просто-
 ялъ онъ не долго. Костыль выпалъ и Макаръ Ивановичъ упалъ
 на полъ. «Это ужасно было видѣть. Всѣ ахнули и бросились
 его поднимать, но, слава Богу, онъ не разбился, а только
 поблѣднѣлъ отъ сотрясенія. Все еще блѣдный, съ трясущим-
 ся тѣломъ, и, какъ бы, еще не опомнившись, Макаръ Ива-
 новичъ повернулся къ Лизѣ и нѣжнымъ, тихимъ голосомъ го-
 ворить ей: „нѣтъ, милая, знать и впрямь не стоятъ ножень-
 ки“. Впечатлѣніе отъ этого было неизгладимое. Съ того ра-
 за со скамейкой Лиза стала чрезвычайно и какъ то робко
 почтительна къ старику. Она часто послѣ этого садилась под-
 лѣ него и плакала на его плечѣ а тотъ съ печальнымъ ли-
 цомъ, молча гладилъ ее по головѣ. Лиза переродилась». ¹⁾ Та-
 ково же нравственно-облагораживающее вліяніе Неточки Нез-
 вановой на свою подругу княжну Катю. Гордая и самолюби-
 вая, часто издѣвающаяся надъ Неточкой, Катя была побѣж-
 дена кротостью послѣдней. Въ легендѣ «великій инквизиторъ»
 Достоевскій представляетъ намъ двухъ сверхчеловѣковъ. Это
 кардиналъ и Христосъ; первый сверхчеловѣкъ въ Ницшеан-
 скомъ смыслѣ, второй въ христіанскомъ. Кардиналъ силенъ
 жестокостью, насиліемъ, безчеловѣчіемъ. Онъ приговариваетъ
 Христа къ смерти. «Ты умрешь», говоритъ онъ. Христосъ
 приближается къ нему и тихо цѣлуетъ въ безкровныя уста
 его, это былъ отвѣтъ на смертный приговоръ. Кротость Хри-
 ста побѣдила кардинала-инквизитора, онъ отпускаетъ его на
 волю. Когда мы посмотримъ на эти два лица, то какое вели-
 чіе, какую силу и мощь увидимъ въ кротости Христа, и
 какую ничтожностью покажется Ницшеанская сила кардинала!
 А поцѣлуй Христа? Сколько въ немъ величія и силы! Въ этой
 кротости такая мощь, предъ которою блѣднѣютъ Наполеоны,
 Александры Македонскіе и всѣ прочіе сверхчеловѣки Ницше.

¹⁾ Достоевскій «Подростокъ».

Сила христіанскаго смиренія и кротости, такимъ образомъ, заключается въ любви, которая является для нихъ базисомъ. Оттого сильны и неотразимо дѣйствуютъ смиреніе и кротость, что руководятся не своекорыстными, эгоистическими разсчетами, а благомъ другихъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы ближнихъ. Всякій человѣкъ, даже стоящій на самой низкой степени нравственнаго развитія, и тотъ, если не вполне сознательно, то, по крайней мѣрѣ инстинктивно, чувствуетъ вѣяніе духа любви и милосердія въ поступкахъ кроткаго человѣка. Всѣмъ извѣстно то простое правило, что примѣръ гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ одна сухая мораль, а смиреніе и кротость представляютъ нагляднымъ, видимымъ образомъ, въ конкретной живой формѣ осуществленіе въ жизни главнаго и существеннаго начала христіанской этики—любви къ Богу и ближнимъ. Смиреніе и кротость тѣмъ и велики, что благодаря имъ возможно постепенно водворить между людьми любовь, милосердіе, состраданіе, братство, равенство, свободу, все то, что придаетъ жизни не животный, а истинно человѣческій смыслъ и значеніе. Мы вправѣ поэтому со старцемъ Зосимой сказать: «смиреніе любовное—страшная сила, пѣзъ всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой нѣтъ ничего»¹⁾.

Священникъ *Димитрій Шнурковъ*.

„Новый Израиль“.

Секта, извѣстная подъ именемъ «Новаго Израиля» или «ново-израильской общины», впервые начала обнаруживаться во многихъ епархіяхъ лѣтъ пятнадцать тому назалъ. Появилась она на почвѣ хлыстовства, какъ расколъ среди хлыстовъ.

¹⁾ Достоевскій «Братья Карамазовы».